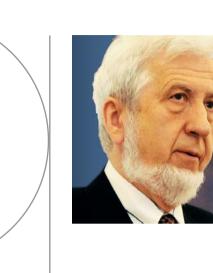
ВИШЕГРАДСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

Современники о «Бархатных революциях»

Интервью с **Гезой Есенски**, одним из основателей Вишеградской группы

Геза Есенски — венгерский историк, профессор и политический деятель, один из основателей Венгерского демократического форума, министр иностранных дел Венгрии в 1990–1994 годах, посол в США, Норвегии и Исландии. Принимал активное участие в создании нового регионального объединения в восточной Центральной Европе — Вишеградской группы, документ о создании которой был подписан 15 февраля 1991 года.

Вишеградская Европа: Уважаемый Господин Есенски, в этом году Вам исполняется 80 лет. Позвольте от лица коллег, нашей редакции и читателей поздравить Вас с юбилеем. Так совпало, что в этом году Вы празднуете двойной юбилей — и свой собственный, и 30-летие со дня основания Вишеградской группы, в создании которой принимали активнейшее участие, а затем неизбежно отождествлялись с ней. Можно сказать, что это было весьма своевременное и удачное решение судя потому, что Группа существует дольше всех других союзов, которые пытались создавать после распада СССР и его структур — СЭВ и ОВД. Расскажите пожалуйста, о себе, какие моменты Вашей жизни больше всего повлияли на формирование Вашего мировоззрения.

Геза Есенски: Из нас шестерых, создавших повод для празднования дня рождения 15 февраля 1991 года уже нет в живых Йожефа Анталла, Вацлава Гавела, Кшиштофа Скубишевского и Иржи Динстбира. Так получилась, что вдвоем с Лехом Валенсой сегодня мы остались хранителями духа созидателей Вишеградского взаимодействия.

Я родился 80 лет назад — 10 ноября 1941 года. Мой отец, юрист по образованию, в то время возглавлял одно из подразделений Общего кредитного банка Венгрии (General Credit Bank of Hungary / Magyar Altalános Hitelbank), крупнейшего тогда финансового учреждения страны. Будучи ребёнком, я пережил самую мрачную — похожую на сталинскую — эпоху Ракоши. Я знал, что многие были заключены в тюрьму, что нашу семью в любой момент могли вышвырнуть из нашей квартиры и переселить в одну комнату в отдаленной деревне, как это уже было со многими знакомыми. С конца 1947 года мой отец, будучи пенсионером и не получая пенсию месяцами искал работу, пока, наконец, ему не удалось получить скудно оплачиваемую административную работу в советско-венгерской сельскохозяйственной торговой компании. В моей семье, среди друзей родителей все время говорили о политике, осуждали диктаторскую систему. Отец слушал западные радиопередачи на английском или венгерском, и я слушал их вместе с ним — насколько это было возможно — поскольку их постоянно заглушали помехами. Была наивная надежда, отразившаяся в поговорке, что мы сможем выжить в этой системе, «сидя на корточках». Однако мой отец был реалистом, он не верил, что западные освободители придут и выгонят советских захватчиков.

ВЕ. Что значат для Вас события 1956 г.?

Г.Е. После периода террора наступила вдохновляющая революция 1956 года. Так уже в 15 лет опыт сделал меня взрослым. Пару лет назад я получил фотографию от американских венгров, на которой я заснят на

огромной акции протеста 23 октября 1956 г. у статуи Бема¹, куда я пришел в числе первых. В те дни я побывал во многих очагах сопротивления венгерской столицы. 25 октября я был на Большом бульваре (Nagykörút), рассматривая следы боевых действий, как вдруг появились советские танки. В открытой башне первого из них вращался пулемет, и я буквально заглянул в его дуло. Но молодой русский солдат не нажал на курок — он увидел, что я безоружен. В течение следующих нескольких дней я ходил по местам боевых действий, видел разрушенные дома, мне приходилось переступать через тела погибших солдат, облитых хлором. Те октябрьские дни для меня незабываемы. Наконец 30 и 31 октября с мыслью о том, что революция победила, пришло вдохновение. Советские войска были выведены из Будапешта и по Свободному радио Кошута можно было услышать о восстановлении многопартийной системы, создании коалиционного правительства и выходе Венгрии из Варшавского договора. Я также помню Голос Яноша Кадара: «Мы будем небольшой, но чистой партией». Лица людей выражали счастье, почти у всех был символ свободы 1848 года — герб Кошута.

Я думал, что вырасту в свободном мире. Все хотели нейтралитета, также как и того, чтобы быть дружественными соседями с Советским Союзом. Мы не ждали НАТО, мы надеялись на солдат ООН в голубых касках, и хотели последовать примеру соседней нейтральной Австрии. Тогда это казалось правдоподобным. Я согласен с историками, которые считают, что в годы советско-американских переговоров существовала вероятность создания нейтральной зоны в Центральной Европе. И не согласен с тем, что Америка нас подло бросила. Скорее президент Эйзенхауэр был слишком осторожным военным лидером чтобы предложить переговоры советским лидерам в 1956 году. А затем пришло 4 ноября, когда, проснувшись на рассвете я услышал звук советских орудий. Я понял, что не смогу расти в свободной стране. Поэтому я с большим удовлетворением воспринял сказанные 11 ноября 1992 года президентом Российской Федерации Борисом Ельциным в венгерском Парламенте слова о том, что советское вмешательство — несмываемый позор.

ВЕ. И, тем не менее, что было после революции?

Г.Е. Весной 1957 в моей школе, гимназии Толди, появился новый учитель истории. Тогда Йожефа Анталла в наказание за его позицию во время революции перевели к нам из гимназии Этвеша. Лучшего учителя я не могу себе представить. Он был на девять лет старше, прямоли-

Ю́зеф Бем — полководец; польский генерал, главнокомандующий войск венгерской рево-люции 1848 года.

нейный, обращался к нам «на Вы», называя нас, наш класс, состоящий только из мальчиков, «господами». Он был тем молодым человеком, с которого хотелось брать пример: обладая большими знаниями, он не был высокомерным, но при этом чувствовалась душевность. Он обладал хорошим вкусом, одевался по моде. Без его непосредственного участия и организации 23 октября 1957 г., в первую годовщину революции, мой класс почтил молчанием ее героев и жертв. В качестве наказания за это мне пригрозили запретом продолжать учебу в любой средней школе страны, а затем и всему моему классу закрыли путь к поступлению в университеты.

ВЕ. И что Вы делали после окончания школы?

Г.Е. В течение двух лет я был разнорабочим, то есть, влился в рабочий класс. В 1961 году меня наконец приняли в университет, по окончании которого я получил диплом преподавателя истории и английского языка. В Будапеште, однако, не было свободных вакансий на преподавательскую работу. Лишь в одной начальной школе нуждались в учителе английского и русского языков. После десяти лет обязательного изучения русского языка мы не говорили по-русски, но считалось, что филолог вполне может преподавать детям и русский язык. Так на два года я стал школьным учителем. Тем не менее мне нравилась эта работа, однако я обрадовался предложению стать референтом по историческим наукам в Национальной библиотеке (Библиотека Сечени), в задачи которого входила сортировка книг и составление каталога. Так я попал в компанию выдающихся, но из-за их политического мировоззрения исключенных из университетов ученых. Затем, уже спустя десять лет после окончания с отличием («с красным дипломом») университета, я получил звание университетского доктора, и имея за спиной множество рецензий и опубликованных работ, я стал доцентом Университета экономических наук им. Карла Маркса. Там я преподавал историю международных отношений и венгерскую внешнюю политику. Я не вступил в правящую партию и отказался быть стукачом, секретным агентом. У меня появилась семья, круг друзей. Мы говорили более свободно, становилось возможным все больше и больше писать, ну а затем пришла смена системы. После 47 лет чрезвычайно разнообразного, в значительной степени осознанного опыта я включился в политическую жизнь приняв участие в первом большом собрании интеллектуалов, которые хотели политических перемен. Это произошло в сентябре 1987 года в Лакителеке, в той самой, ставшей знаменитой большой палатке.

ВЕ. Давайте поговорим о собрании в Лакителеке. На сайте Института и Архива смены системы (RETÖRKI) есть видеозапись той исторической встречи, Ваше выступление. Какие эмоции Вы испытывали в тот момент? Если не ошибаюсь, Вы говорили о том, что жизненно важно донести истинные цели венгерских реформ до мировой общественности.

Г.Е. В той речи я говорил о важности правильной международной ориентации и осведомленности в происходящем. Я подчеркнул, что нашим национальным интересом является формирование правдивого, реалистичного представления о нашей стране. Я хотел донести до собравшихся, что ради достижения наших целей мы должны действовать тактически, а не таранить головой стену. «Корабль государства все еще остается парусником, и есть много ветров: восточный ветер, западный ветер. Те, кто знаком с правилами мореплавания, знают, что вы можете идти против ветра, но тогда либо правым, либо левым галсом. Сегодня мы имеем гораздо больший простор для международного маневра, нежели в предыдущие годы, и даже десятилетия, и этим необходимо воспользоваться», — я говорил об этом, и о том, что прежде всего необходимы срочные внутренние изменения.

BE. Можно ли было тогда, в 1987 году почувствовать, что перемены неизбежны? Какие опасения Вы испытывали, и когда почувствовали, что победа близка?

Г.Е. В той палатке никто еще не верил, что подавлявший нас коммунистический режим скоро рухнет, но мы все чувствовали, что можно быть более настойчивыми в требованиях расширения свободы слова, постепенного устранения болезней общества, а также чтобы правительство лучше представляло национальные интересы. В то же время я опасался, что может произойти политическое ужесточение, подавление гласности, даже арест тех, кто собрался в Лакителеке. Однако уже год спустя был создан Венгерский демократический форум (сначала как оппозиционное движение, которое позднее перерастет в политическую партию), и я сразу же вступил в него, став таким образом одним из 200 членов-основателей. Там же присутствовал и Йожеф Анталл, один из инициаторов создания ВДФ.

BE. Вишеградское сотрудничество. Как формировалась сама идея и кто впервые ее высказал: венгры, чехи, словаки или поляки? Как ее приняли политики в вовлеченных в обсуждение странах?

Г.Е. Как историк, преподаватель (в 1984–1986 гг. помимо Венгрии я работал также в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре), я занимался в основном венгерской и всеобщей историей периода 1840–1940 гг. Это была хорошая подготовка к исполнению обязанностей министра иностранных дел Венгрии в правительстве Йожефа Анталла

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

в период с 1990 по 1994 гг. В моих исследованиях я уделял особое внимание Центральной и Восточной Европе, став впоследствии одним из инициаторов Вишеградского сотрудничества. Важной задачей демократических политиков Польши, Чехословакии и Венгрии, сформированных ими в результате свободных выборов правительств, было сохранение солидарности и решимости совместных действий ради достижения общих целей. В ноябре 1990 года, во время подписания определившей контуры мира после Холодной войны Парижской Хартии для Новой Европы, премьер-министр Венгрии предложил своим польским и чехословацким партнерам, организовать в начале следующего года встречу политических лидеров трех стран в Вишеграде, где в 1335 г. уже встречались короли трех стран.

Не соглашусь с утверждениями, что инициатива исходила от Вацлава Гавела, которого я очень высоко ценю. Действительно, 9 апреля 1990 г. в Братиславе состоялась очередная встреча, в которой приняли участие главы правительств и министры иностранных дел Чехословакии, Польши и Венгрии. Но на том саммите вместе с нами были также министры иностранных дел Австрии, Италии и Югославии. Речь шла о большом политическом повороте, который все приветствовали, однако в тот раз еще не было речи о продолжении или институционализации взаимодействия. Кроме того, рамки были отнюдь не «вишеградскими», а гораздо более широкими. Еще дальше от истины то, что сближению трех традиционно дружественных Западу и антикоммунистических стран могли способствовать Европейское сообщество или Соединенные Штаты Америки.

ВЕ. О чем вы думали в момент подписания документа?

Г.Е. В Декларации о сотрудничестве, принятой Й.Анталлом, В.Гавелом и Л.Валенсой на саммите 15 февраля 1991 г. были изложены общие политические и экономические устремления наших стран, их намерение согласовывать свою политику по роспуску организации Варшавского договора (войска которого, т. е. советские солдаты, все еще находились на территории наших государств) и развитию участия в европейской интеграции. Как было озвучено в Декларации, страны выражали свое стремление «устранить все социальные, экономические и интеллектуальные формы тоталитарного режима», построить парламентскую демократию, опирающуюся на верховенство закона, современную рыночную экономику и как можно скорее принять полномасштабное участие в европейской интеграции. Для нашей делегации было особенно важно подчеркнуть, что «национальные, этнические, религиозные и языковые меньшинства должны пользоваться всеми правами, включая право на политическую, социальную, экономическую и культурную деятельность и образование,

в соответствии с европейскими традиционными ценностями и международными документами по правам человека.» Порывая с кругом противоречий, который разделял нас в период между двумя Мировыми войнами, мы принимали на себя обязательства проводить в отношении местных, региональных и национальных сообществ политику толерантности без ненависти, национализма, ксенофобии; то есть не враждовать и не конфликтовать с соседями.

BE. Теперь, спустя 30 лет, как вы оцениваете те события и путь Вишеградской группы: можете ли назвать их успешными?

Г.Е. Во время подписания я надеялся, что эти цели и дружба, основанная на сотрудничестве, будут достигнуты и будут прочными, но никто не ожидал, что они сохранятся в течение тридцати лет и даже углубятся и Вишеградская группа станет международно-признанным субъектом внешней политики. Позже сменявшие друг друга правительства с разными политическими взглядами увидели смысл и очевидную пользу сотрудничества, и их встречи на высшем уровне стали регулярными. После разделения Чехословакии «тройка» превратилась в четверку — В4, однако дискуссии о венгерском национальном меньшинстве в Словакии не способствовали сплочению. В течение многих лет мы вместе стремились к членству в НАТО, чтобы обеспечить нашу безопасность, пока 12 марта 1999 г. это не было достигнуто. (Однако Словакия из-за националистической политики бывшего премьер-министра Мечьяра отстала на шаг.) Переговоры, приближавшие наше членство в ЕС, также первоначально продвигались в ходе совместных консультаций.

BE. Что бы Вы хотели выделить как самые удачные и не очень из моментов в истории «четверки»?

Г.Е. Для меня, помимо момента основания, есть еще несколько запоминающихся, наиболее ярких воспоминаний: Октябрьский саммит в Кракове в 1991 г. с торжественной мессой в Вавеле; подписание соглашения об ассоциации с Европейским сообществом 16 декабря 1991 г.; встреча в Праге в январе 1994 г. с президентом Клинтоном, который подтвердил, что расширение НАТО произойдет и является лишь вопросом времени; и мое прощание в июле того же года с моим министерским мандатом и вишеградскими коллегами в Варшаве. Конечно, я был очень рад приветствовать все последующие обсуждения в рамках В4, которые углубляли и улучшали сотрудничество, в частности Декларацию, подписанную в 2004 г. в Кромержиже, объявившую о возрождении вишеградского сотрудничества. К воспоминаниям в негативных тонах я бы отнес пренебрежительное отношение к Вишеграду Вацлава Клауса — тогдашнего премьер-министра Чехии — (который бросил: «чтобы даже секретаря не

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА.№ 2.2021

было!») или когда летом 1993 г. вместе с Владимиром Мечьяром — главой правительства Словакии — они заблокировали принятие уже разработанного документа о защите национальных меньшинств.

Во время кризиса с беженцами в 2015 г. В4 пришлось столкнулся с «Wilkommenskultur», объявленной канцлером Германии А.Меркель, с политикой готовности приема масс экономических переселенцев («мигрантов») в Союз, в ходе которого ее лидеры высказали взгляды, сразу по нескольким вопросам противоречащие большинству в ЕС. Венгрия, возглавляемая Виктором Орбаном, сыграла в этом ведущую роль. Лондонский журнал Economist поспешил написать о «большом плохом Вишеграде» («big bad Visegrad»), и некоторые уже предсказывали, что Европа снова расколется, примерно вдоль бывшего Железного занавеса, и что инициаторами могут стать вишеградцы. Я думаю, что «V4-ехіт» был бы трагедией, и не только для восточной половины Европы. Следствием такого шага может быть нищета, диктатура, а там не исключено, что и война. Но это могут увидеть и предотвратить только сами жители Вишеграда, только общая воля его избирателей.

Вишеград может быть хорошим, позитивным примером для других, соседствующих стран, в том числе и для конкурирующих друг с другом, питающих исторические обиды в отношении других государств или объединений. Само слово означает Высокий Замок. Я желаю, чтобы этот Высокий Замок был крепким замком, маяком хорошего направления для нас и для других.

ВЕ. Не могу не воспользоваться Вашим любезным согласием на интервью, чтобы задать еще один важный с точки зрения развития «восточной политики Венгрии» вопрос. Давайте вернемся к 6 декабря 1991 г. Перелет делегации во главе с Йожефом Анталлом по маршруту Будапешт — Москва — Киев — Будапешт. Подписание Договоров о дружественных отношениях и сотрудничестве. Как вы оцениваете это время спустя три десятилетия? Тем более что это были последние Дни Советского Союза, т.е. практически ровно 30 лет назад?

Г.Е. Суть западной политики правительства Анталла заключалась в подготовке к вступлению в евроатлантическую интеграцию. 1 апреля 1994 г. я подал заявку Венгрии на прием в Европейский союз. Наша восточная политика ни в коем случае не была каким-то поворотом или даже разрывом с советской Россией. Восстановив свой суверенитет, мы сохранили хорошие отношения с возглавляемым М.Горбачевым Советским Союзом, а затем и с его преемником — Российской Федерацией. Очень впечатляющим и важным проявлением этого стали события 6 декабря 1991 г., когда венгерская правительственная делегация во главе

ЗИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА. № 2.2021

с премьер-министром Йожефом Анталлом отправилась в Москву, чтобы подписать Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве с М.Горбачевым, президентом все еще существовавшего на тот момент Советского Союза; а часом позже — с Борисом Ельциным, президентом России, в качестве равноправного суверенного партнера. Они заменили собой прежний — лицемерный и пустословный — Договор о дружбе документом с намерениями подлинного и добровольного сотрудничества. После двух торжественных церемоний мы в тот же день вылетели в Киев, чтобы подписать первый международный Договор с Украиной, которая восстановила свою независимость спустя более трехсот лет. Как историк и политик, я вспоминаю эту дату как один из лучших дней в моей жизни, завершение плохих воспоминаний и начало нового многообещающего соседства.

Как известно, 8 декабря 1991 г. Россия, Украина и Беларусь создали Сообщество независимых государств (СНГ), а 21 декабря (как раз в день рождения Сталина) восемь других государств присоединились к встрече лидеров советских республик в Алма-Ате. В заявлении венгерского правительства в этой связи говорилось, что «Михаил Горбачев и его политика сыграли огромную роль в том, что тоталитарная система прекратила свое существование в одной шестой части мира и открыли путь к мирным системным изменениям в странах Восточно — Центральной Европы. [...] Правительство Венгерской Республики ценит политическую мудрость и достоинство Президента Горбачева, добровольно покинувшего свой пост после преобразования Советского Союза и уступившего дорогу дальнейшим необходимым демократическим изменениям. [...] Мы поддерживаем стремление Российской Федерации занять место Советского Союза в Организации Объединенных Наций и в ее Совете Безопасности. [...] Мы приветствуем целенаправленную и ответственную политику лидеров государств-преемников по созданию необходимых условий для мирного, демократического преобразования Советского Союза.»

В конце 1991 года Венгрия и весь мир с оптимизмом смотрели в будущее, потому что казалось, что холодная война и противостояние Великих держав завершились, что благородные принципы Устава ООН наконец-то восторжествуют и что народы Центральной Европы также похоронили свою историческую вражду. Тридцать лет спустя все это кажется иллюзией, но как цель это все еще актуально и сегодня.

CONTEMPORARIES ABOUT THE "VELVET REVOLUTIONS"

The Visegrad interview with Géza Jeszenszky, one of the founders of the Visegrad Group

In this interview on the occasion of his own 80-th birthday and the 30-th anniversary of the establishment of the Visegrad Group Géza Jeszenszky reminisces the key events of his life and political career and reflects upon main stages of the Visegrad group's creation and interaction between Central Europe and Euro-Atlantic institutes. The whole life of the Hungarian ex-Foreign Minister Géza Jeszenszky is closely intertwined with Hungary's national strive for democracy: he participated in the Revolution of 1956, was taught by József Antall, the first Prime-Minister of democratic Hungary, was one of the founders of the Hungarian Democratic Forum in Lakitelek and, as a Hungarian foreign ministry, played significant role in the creation of the Visegrad Group and the accession of Hungary to the Euro-Atlantic structures. He notes that this path was not smooth as not all countries of Central Europe were equally interested in the euro-atlantic or even Visegrad integration.

Although the author focuses on the triumph of democracy in the Central Europe and their eventual accession to the democratic world, Council of Europe, European Union and NATO, he also acknowledges the positive dynamics of the Yeltsin's Russia foreign policy, constructive integration of the former Soviet republics in the CIS format and stresses that Hungary, despite its troublesome legacy of relations with the Soviet Union, has never turned away from Russia and eastern dimension of its foreign policy at large.

Jeszenszky is concerned about the negative image Visegrad group got in the eyes of mass-media and politicians when it opposed the German "Wilkommenskultur" during the 2015 refugee crisis. On the contrary, he claims that the Visegrad group may serve as a working example of regional integration, cooperation between neighboring countries and overcoming historical rivalry and troublesome past. The author underlines that, despite all the turbulence in world politics of the last 30 years, Central Europe is an integral part of the European Union and democratic world, and the optimistic vision of the future in 1991 should still be seen as a goal, not an illusion.